

Николай БАРАТАШВИЛИ

СТИХОТВОРЕНИЯ

в переводе

БОРИСА ПАСТЕРНАКА

**БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК»
№ 9
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
МОСКВА — 1946**

Николай БАРАТАШВИЛИ

СТИХОТВОРЕНИЯ

в переводе

БОРИСА ПАСТЕРНАКА

Издательство „ПРАВДА“
Москва. 1946

НИКОЛАЙ БАРАТАШВИЛИ

Величайший грузинский поэт нового времени, Николай Бараташвили родился 22 ноября 1816 года в Тифлисе, в семье родовитого грузинского князя, предводителя дворянства, зазубившего своё состояние на приёмы и угощения. Николай Бараташвили учился в приходской школе и кончил гимназию. Его мечты о военной карьере не сбылись, потому что мальчиком он сломал себе ногу и остался хромым на всю жизнь. Не осуществилось и другое его желание — завершить своё образование в одном из русских университетов. Отсутствие средств и необходимость поддерживать семью заставили его поступить на службу. Прослужив в небольших чинах на разных административных должностях, он в 1845 году был назначен помощником уездного начальника в Гянджу. По приезде туда он заболел свирепствовавшей там злокачественной лихорадкой и умер 9 октября того же года.

Круг нескольких княжеских семейств, в котором вырос Николай Бараташвили, был тем передовым кругом, с которым благодаря Грибоедову, наверное, были связаны на Кавказе Пушкин и Лермонтов. Здесь Бараташвили был окружён литераторами. Григорий Орбелиани был его дядей, Александр Чавчавадзе — другом его отца. Бараташвили читал русских и западноевропейских поэтов, увлекался поэзией Лермонтова.

Литературное наследие Бараташвили невелико. Может быть, его стихи, дошедшие до нас, не представляют окончательной редакции, и автор предполагал ещё подвергнуть их дальнейшему отбору и шлифовке. Однако след гения, оставшийся в них, так велик, что именно он, этот дух, проникающий их, придаёт им последнее совершенство.

Лирику Бараташвили отличают ноты пессимизма, мотивы одиночества, настроения мировой скорби. Однако не в этом видим мы его главную творческую сущность. Для нас гораздо важнее то, что эти романтические мотивы и настроения входят в вещественные соединения с чертами реальной жизни и повседневности, что на этом творчестве лежит печать неповторимости и за его отвлечёнными значениями вырисовываются особенности времени, исторический фон, сцены биографии. Описания в «Сумерках на Мтацминде» и «Ночи на Кабахи» не оказывали бы своего волшебного действия, если бы наряду с описаниями душевного состояния они не были ещё более удивительными описаниями природы. Взрывы изобразительной стихии в бесподобном, бешеном и вдохновенном «Мерани» ни с чем несравнимы. Это символ веры большой борющейся личности, убеждённой в своём бессмертии и в том, что движение человеческой истории отмечено целью и смыслом.

Лучшие стихотворения Бараташвили, сверх названных, — это его посвящения Екатерине Чавчавадзе и все стихи двух последних лет его жизни, с поразительным «Синим цветом» в том числе.

В 1893 году его прах был перенесён из Гянджи в Тифлис. 21 октября 1945 года вслед за Грузией, его родиной, весь Советский Союз торжественно отметил столетнюю годовщину его смерти.

СТИХОТВОРЕНИЯ

1834 — 1845

СОЛОВЕЙ И РОЗА

Нераскрывшейся розе твердил соловей:
 «О, владычица роза, в минуту раскрытья
 Дай свидетелем роскоши быть мне твоей:
 С самых сумерек этого жду я события».

Так он пел. И сгустилась вечерняя мгла.
 Дунул ветер. Блеснула луна с небосклона.
 И умолк соловей. И тогда зацвела
 Роза, благоуханно раскрывши бутоны.

Но певец пересилить дремоты не мог.
 Хоры птиц на рассвете его разбудили.
 Он проснулся, глядит: распустился цветок
 И осыпать готов лепестков изобилье.

И взлетел соловей, и запел налету,
 И заплакал: «Слетайтесь, родимые птицы.
 Как развеять мне грусть, чем избыть маяту
 И своими невзгодами с кем поделиться?»

Я до вечера ждал, чтобы розан зацвёл,
 Твёрдо веря, что цвeсть он уж не перестанет, —
 Я не ведал, что подвиг рожденья тяжёл
 И что всё, что цветёт, отцветёт и увянет».

1834.

КЕТЕВАНА

Шумит, и пенится сердито,
 И быстро катится река.
 Кустами берега покрыты
 И зарослями тростника.

Кто это, голову грустно понуря,
Смотрит с обрыва в водоворот?
Перебирая струны чонгури,
Девушка в белом громко поёт:

«Насытишься ли ты, злоречье?
Не насмехайся, не язви
Над каждым мигом нашей встречи
Из зависти к моей любви.

Зачем, поверив лжи бесстыдной,
Ты до того, мой друг, дошёл,
Что преданности очевидной
Ты голос злобы предпочёл?

Зачем не изучил заранее
Мой образ мыслей, сердце, нрав?
Зачем мне расточал признанья,
Чтобы убить, избаловав?

Зачем согнул мою гордыню,
На муку сердце мне обрёл?
Зачем бесплодием пустыни
Дохнул на юности цветок?

Я верую: моя кончина —
Переселенье в мир иной.
Уверившись, как я невинна,
Ты в небе встретишься со мной».

Она умолкла. И неожиданно
В словах, затихших над волной.
Узнал я голос Кетеваны,
Чарующий и неземной.

Шорох паденья скоро разнёсся —
Страшный и неотвратимый удар.
Девушка бросилась в воду с утёса,
Крикнув пред смертью: «Амилбар!»

1835.

СУМЕРКИ НА МТАЦМИНДЕ

Люблю твои места в росистый час заката.
Священная гора, когда его огни
Редуют и верхи ещё зарёй объаты,
А по низам трава уже в ночной тени.

Не налюбуйешься! Вот я стою у края.
С лугов ползёт туман и стелется к ногам.
Долина в глубине, как трапеза святая.
Настой ночных цветов плывёт, как фимиам.

Минутами хандры, когда бывало туго,
Я отдыхал средь роц твоих и луговин.
Мне вечер был живым изображеньем друга.
Он был, как я. Он был покинут и один.

Какой красой была овейна природа!
О небо, образ твой в груди неизгладим.
Как прежде, рвётся мысль под купол небосвода.
Как прежде, падает, растаяв перед ним.

О боже, сколько раз, теряясь в созерцаньи,
Тянулся мыслью я в небесный твой приют!
Но смертным нет пути за видимые грани,
И промысла небес они не познают.

Так часто думал я, блуждая здесь без цели,
И долго в небеса глядел над головой,
И ветер налетал по временам в ущелье
И громко шелестел весеннею листвою.

Когда мне тяжело, довольно только взгляда
На эту гору, чтоб от сердца отлегло.
Тут даже в облаках я черпаю отраду.
За тучами и то легко мне и светло.

Молчат окрестности. Спокойно спит предместье.
В предшестве звезды луна вдали взошла.
Как инокини лик, как символ благочестья,
Как жаркая свеча, луна в воде светла.

Ночь на Святой горе была так бесподобна,
Что я всегда храню в себе её черты
И повторю всегда дословно и подробно,
Что думал и шептал тогда средь темноты.

Когда на сердце ночь, меня к закату тянет.
Он — сумеркам души сочувствующий знак.
Он говорит: «Не плачь. За ночью день настанет.
И солнце вновь взойдёт. И свет разгонит мрак».

1833 — 1836.

4

ТАИНСТВЕННЫЙ ГОЛОС

Чей это странный голос внутри?
Что за причина вечной печали?

С первых шагов моих, с самой зари,
Только я бросил места, где бежали
Детские дни наших игр и баталий,
Только уехал из лона семьи,
Голос какой-то, невнятный и странный,
Сопровождает везде, постоянно
Мысли, шаги и поступки мои:
«Путь твой особый. Ищи и найдёшь».
Так он мне шепчет. Но я и доньше
В розысках вечных и вечно в уныньи.
Где этот путь и на что он похож?
Совести ль это нечистой упрёк
Мучит меня затаённо порою?
Что же такого содеять я мог,
Чтобы лишить мою совесть покоя?

Ангел-хранитель ли это со мной?
Демон ли, мой искуситель незримый?
Кто бы ты ни был, поведай, открой,
Что за таинственный жребий такой
В жизни готовится мне, роковой,
Скрытый, великий и неотвратимый?

1836.

ДЯДЕ ГРИГОРИЮ

Родину ты потерял по доносу,
 Сослан на север в далёкий уезд.
 Где они — дедовской рощи откосы,
 Место гуляний, показа невест?
 Но и в изгнани, далёко отсюда,
 Ты не забудешь родной толчеи.
 Парами толпы весёлого люда
 Шли, оглашая аллеи твои.
 Жаль, что не видишь ты на расстояньи
 Нынешних наших девиц-щеголих,
 Как бы припомнил ты очарованье
 Сверстниц былых незабвенных своих!

1836.

НОЧЬ НА КАБАХИ

Люблю этих мест живописный простор.
 Найдётся ли что-нибудь в мире волшебней,
 Чем луг под луною, когда из-за гребня
 Повеет прохладю ветер с Коджор?

То плавно течёт, то клокочет Кура,
 Изменчивая, как страсти порывы.
 Так было в тот вечер, когда молчаливо
 Сюда я зашёл, как во все вечера.

С нарядными девушками там и сям
 Толпа кавалеров весёлых бродила.
 Луна догадалась, что в обществе дам
 Царит не она, а земные светила,

И скрылась за тучи, оставшись в тени.
 «Ты б спел что-нибудь, — говорят домочадцы
 Любимцу семьи, одному из родни, —
 Любое, что хочешь. Не надо ломаться».

И вот понемногу сдаётся певец.
Становится, выпятив грудь, начинает,
И кто не взволнуется, кто не растает
От песни, смертельной для женских сердец?

Тогда-то заметил я в белом одну,
И вижу, она меня тоже узнала.
И вот я теряюсь, и сердце упало,
Я скован, без памяти я и в плену!

Я раз её видел в домашнем кругу.
Теперь она ланью у тигра в берлоге
Средь шумного общества стынет в тревоге,
И я к ней, смутясь, подойти не могу.

Вдруг взгляд её мне удаётся поймать,
И я подхожу к ней, волненья не пряча,
И я говорю ей: «Какая удача!
Я счастлив, что с вами встречаюсь опять».

«Спасибо,— она говорит,— что хоть вы
Меня не забыли. Теперь это мода».
«Ваш образ не могут изгладить ни годы,—
Я ей возражаю,— ни ропот молвы».

И вдруг ветерок кольхнул ей подол,
И ножка тугая, как гроздь винограда,
На миг обозначилась из-под наряда,
И волнами сад предо мною пошёл.

И выплывший месяц, светясь сквозь хрусталь,
Зажёг на груди у неё ожерелье.
Но девушку звали, и рядом шумели.
Она убежала. Какая печаль!

1836.

7

РАЗДУМИЯ НА БЕРЕГУ КУРЫ

Иду, расстроясь, на берег реки
Тоску развеять и уединиться.
До слёз люблю я эти уголки,
Луга, покой, раздолье без границы.

Ложусь и слушаю, как не спеша
Течёт Кура, журча на перекатах.
Она сейчас зеркально хороша,
Вся в отблесках лазури синеватых

Свидетельница многих, многих лет,
Что ты, Кура, бормочешь без ответа?
И воплощеньем суеты сует
Представилась мне жизнь в минуту эту.

Наш бранный мир — худое решето,
Которое хотят долить до края.
Чего б ни достигали мы, никто
Не удовлетворялся, умирая.

Завоеватели чужих краёв
Не отвыкают от кровавых схваток.
Они, и полвселенной поборов,
Мечтают, как бы захватить остаток.

Что им земля, когда, богатыри,
Они землёю завтра станут сами?
Но и миролюбивые цари
Полны раздумий и не спят ночами.

Они стараются, чтоб их дела
Хранило с благодарностью преданье,
Хотя, когда наш мир сгорит дотла,
Кто будет жить, чтоб помнить их деянья?

Но мы сыны земли, и мы пришли
На ней трудиться честно до кончины.
И жалок тот, кто в памяти земли
Уже при жизни станет мертвечиной.

1837.

8

К ЧОНГУРИ

Твои причитанья, чонгури,
То вздох, то рыданье навзрыд.

Твоей нелюдимой натуре
Неведомы смех доупаду.

Улыбка, безоблачность взгляда,
Секрет их тебе не открыт.

Безрадостно брови нахмуря,
Ты вдаль загляделась с досадой.
Твой звук о былом говорит.

1837.

9

МОЕЙ ЗВЕЗДЕ

На кого ты вечно в раздраженьи?
Не везёт с тобой мне никогда,
Злой мой рок, моё предназначенье,
Путеводная моя звезда!

Из-за облаков тебя не видя,
Думаешь, я разлюблю судьбу?
Думаешь, когда-нибудь в обиде
Все надежды в жизни погребу?

Наша связь с тобой, как узы брака:
Ты мне неба целого милей.
Как бы ни терялась ты средь мрака,
Ты — мерцанье сущности моей.

Будет время, — ясная погода,
Тишина, ни ветра, ни дождя, —
Ты рассыплешь искры с небосвода,
До предельной яркости дойдя.

1837.

10

НАПОЛЕОН

Взором всю Францию в целости меряя,
Мысленно вымолвил Наполеон:
«Необозримые дали империи,
Войны, походы и жертв миллион!

Дело исполнено. Цели достигнуты.
Имя моё передастся векам.

Мощное здание порядка воздвигнуто.
Что ещё лучшего я создам?

Этим и надобно ограничиться.
Но не могу я ничем быть стеснён.
Слава не стала моею владычицей:
Я управляю потоком времён.

Впрочем, быть может, другой ей приглянется,
Если судьбе я своей надоем?
Нет, она верной навек мне останется.
Всё я ей дал и пожертвовал всем».

Наполеон и соперник? Не вьжется.
Он не потерпит ни с кем дележа.
Он и в могиле, наверно, разляжется,
Руки крест-накрест свободно сложа.

Годы проходят, и сказкою прежнюю
Кажется гения этого дар.
Пламени ярче и моря безбрежнее
Этот бушующий ночью пожар.

1839.

11

КНЯЖНЕ ЕКАТЕРИНЕ ЧАВЧАВАДЗЕ

Ты силой голоса
И блеском исполненья
Мне озарила жизнь мою со всех сторон.
И счастья полосы
И цепи огорчений.
Тобой я ранен и тобою исцелён.

Ты средоточие
Любых бесед повсюду.
Играя душами и судьбами шутя,
Людьми ворочая
Сметая пересуды,
Ты неиспорченное, чистое дитя.

Могу сознаться я:
Когда с такою силой
Однажды «Розу» спела ты и «Соловья»,

Своею грацией
Во мне ты пробудила
Поэта, чем навек тебе обязан я.

1839.

12

СЕРЬГА

Головку ландыша
Качает бабочка.
Цветок в движеньи.
На щёку с ямочкой
Серёжка с камушком
Ложится тенью.

Я вам завидую,
Серьга с сильфидою!
Счастливец будет,
Кто губы жадные
Серьгой прохладною
Чуть-чуть остудит.

Богов блаженнее,
Он на мгновение
Бессмертье купит,
И мир безгрозя
В парах амброзии
Его обступит.

1839.

13

МЛАДЕНЕЦ

Люблю младенца лепет из пелёнок,
Как с неба на землю упавший дух,
Лепечет что-то райское ребёнок
И услаждает материнский слух.

Надёжно детский мир его устроен.
Он живо чувствует, что рядом мать,
И так в её присутствии спокоен,
Что не боится взоры вкруг кидать.

Жизнь для него — нисколько не загадка.
Своим явленьем сам вменил он в долг,
Чтоб старшие склонялись над кроваткой,
Пока он голосит и не умолк.

Воркуй по-голубиному, младенец.
Болтай своё на языке сивилл,
Пока тебя, миров переселенец,
Своею ложью мир не отравил.

1839.

14

ОДИНОКАЯ ДУША

Нет, мне совсем не жаль сирот без дома.
Им что? Им в мир открыты все пути.
Но кто осиротел душой, такому
Взаправду душу не с кем отвести.

Кто овдовел, — несчастен не навеки.
Он сыщёт в мире новое родство.
Но, разочаровавшись в человеке,
Не ждём мы в жизни больше ничего.

Кто был в своём доверии обманут,
Тот навсегда во всём разворожён,
Как снова уверять его ни станут,
Уж ни во что не верит больше он.

Он одинок уже непоправимо.
Не только люди — радости земли
Его обходят осторожно мимо,
И прочь бегут, и держатся вдали.

1839.

15

Я помню, ты стояла
В слезах, любовь моя.
Но губ не разжимала,
Причину слёз тая.

Не о земном уроне
Ты думала в тот миг.

Красой потусторонней
Был озарён твой лик.

Мне ныне жизнью всею
Предмет тех слёз открыт.
Что я осиротею,
Предсказывал твой вид.

Теперь, по сходству с теми,
Мне горечь всяких слёз
Напоминает время,
Когда я в счастья рос.

1840.

16

МОЯ МОЛИТВА

Отец небесный, снизойди ко мне.
Утихомирь мои земные страсти.
Нельзя отцу родному без участия
Смотреть на гибель сына в западне.

Не дай отчаяться и обнадёжь,
Адам наказан был, огнём играя,
Но всё таки вкусил блаженство рая.
Дай верить мне, что помощь мне пошлѣшь.

Ключ жизни, утоли мою печаль
Водю из твоих святых истоков.
Спаси мой чѣлан от бурь мирских пороков
И в пристань тихую его причаль.

О, сердцевед, ты видишь все пути
И знаешь всё, что я скажу заране.
Мои нечаянные умолчанья
В молитвы мне по благости зачти.

1840.

17

Когда ты, как жаркое солнце, взошла
На тусклом, невзрачном моём кругозоре,
И после унылых дождей без числа
Настали прозрачные, ясные зори,

Я думал, ты светоч над жизнью моей
В дороге средь мрака ночного и жути.
Куда ж ты? Как прежде, лучи эти лей,
Опять я в потёмках стою на распутьи.

Я радость люблю и совсем не ворчун.
Свети мне, чтоб вновь на дорогу я вышел,
И снова, коснувшись нетронутых струн,
В ответ твоё дивное пенье услышал.

Чтобы в отдалении отзвук возник,
Чтоб нашим согласьем наполнились дали,
Чтоб, только повздоривши, мы через миг
Не помнили больше недолгой печали.

Едва на тебя набегут облака, —
Кончатся радости все и забавы.
Пред этим мне всякая жертва легка,
И я для тебя отказался б от славы.

1840.

18

МОИМ ДРУЗЬЯМ

В дни молодости, вашим утром ранним,
Легко заботы сбрасывайте с плеч.
Не придавайте важности страданьям,
Слезам невольным не давайте течь.

Спешите за минутами вдогонку,
От них не отставая ни на миг.
Как резонёрство раннее ребёнка,
Уродлив молодящийся старик.

Хвалю того, кто соблюдает время
И весь свой век по возрасту живёт.
Перегорит и он страстями всеми.
Переберёт и он весь мир забот.

Но в зрелости, когда ваш первый шопот
Насильно сменит дня корыстный шум,
Вот что советует мой горький опыт, —
Я это говорю не наобум:

Не увлекайтесь львицей и кокеткой:
Она жива, красива, молода,
Всегда занята и умна нередко,
Но полюбить не может никогда.

1841.

19

Что странного, что я пишу стихи?
Ведь в них и чувства не в обычном роде.
Я б солнцем быть хотел, чтоб на восходе
Увенчивать лучами гор верхи.

Чтоб мой приход сопровождали птицы
Безумным ликованием вдалеке.
Чтоб ты была росой, моя царица,
И падала на розы в цветнике.

Чтобы тянулось, как жених к невесте,
К прохладе свежей светлое тепло.
Чтобы существованьем нашим вместе
Кругом всё зеленело и цвело.

Любви не понимаю я иначе.
А если ты нашла, что я не прост,
Пусть будет жизнь избитой и ходячей —
Без солнца, без цветов, без птиц и звёзд.

Но с этим ты сама в противоречьи,
И далеко не так уже проста
Твоя, растущая от встречи к встрече,
Нечеловеческая красота.

1841.

Я храм нашел в песках. Средь тьмы
 Лампада вечная мерцала,
 Неслись давидовы псалмы
 И били ангелы в кимвалы.

Там отрясал я прах от ног
 И отдыхал душой разбитой.
 Лампады кроткий огонёк
 Бросал дрожащий свет на плиты.

Жрецом и жертвой был я сам.
 В том тихом храме средь пустыни
 Курил я в сердце фимиам
 Любви единственной святыне.

И что же, — в несколько минут
 Исчезли зданье и ступени,
 Как будто мой святой приют
 Был сном или обманом зренья.

Где основанье, где престол,
 Где кровельных обломков куча?
 Он целым под землю ушёл,
 Житейской пошлостью наскуча.

Не возведёт на этот раз
 Моя любовь другого крова,
 Где я бы пыль от ног отряс
 И тихо помолился снова.

1841.

Глаза с туманной поволокою,
 Полузакрытые истомой,
 Как ваша сила мне жестокая
 Под стрелами ресниц знакома!

Руками белыми, как лилии,
Нас страсть заковывает в цепи.
Уже нас не спасут усилия.
Мы пленники великолепья.

О взгляды, острые, как ножницы!
Мы славим вашу бессердечность
И жизнь вам отдаём в заложницы,
Чтоб в смерти окунуться в вечность.

1842.

22

ГИАЦИНТ И СТРАННИК

Странник.

Гиацинт, где бывала яркость твоя?
День ли, ночь — всё пред ней забывалось на свете.
Где поляну дурманившая струя
Аромата, которым дышали соцветья?

Гиацинт.

Я один. Я покинул родные края.
В мае там соловьи. Как в руках чародея,
Возвращается к жизни вся наша семья
Всё в красе, всё в цвету. Только я сиротею,
И в своём заточении, в оранжерее
Не услышу певца своего — соловья.

Странник.

Разве ты ничего не нашёл тут взамен?
Жить внутри безопаснее ведь, чем снаружи.
Здесь тебя не достанут средь роскоши стен
Ни палящее солнце, ни зимняя стужа.

Гиацинт.

Что мне золото и серебро богача?
С мёртвым воздухом комнат мне нечем делиться,
Ни росы по утрам, ни журчанья ключа,

Ничего нет хорошего в этой теплице.
И нельзя за плещом мне от солнца укрыться,
Ветерку шаловливые речи шепча.

Странник.

Ты неправ. А припомни суровую зиму.
Ты наверное был бы морозом побит.
А теперь пусть метели проносятся мимо, —
Ты от снега рукой человека укрыт.

Гиацинт.

Милый странник, на свете всему своё время.
Я умру окончательно в этом плену,
А на воле зимою цветочное племя
Лишь на время разлуки отходит ко сну.
Как ликуют, проснувшись, зелёные семьи,
Когда ласточки оповестят про весну!
Только я не смогу пробудиться со всеми,
На небесную синюю ширь не взгляну.

Странник.

Гиацинт, ты напомнил другой мне цветок.
Тот цветок — мой ещё неизведанный жребий.
Он нуждается тоже в приволье и в небе.
Или, может быть, поздно, и он уж поплёк?

1842.

23

Как змеи локоны твои распались
По ниве счастья, по твоей груди.
Мои глаза от страсти разбежались.
Откинь и заплети их! Пощади.

Когда же ветер, овеая ниву,
Заматывает локоны в клубки,
Я тотчас же в своей тоске ревнивой
Тебя к нему ревную по-мужски.

1842.

Мужское отрезвление — не измена.
 Красавицы, как вы ни хороши,
 Очарованье внешности мгновенно.
 Краса лица — не красота души.

Печать красы, как всякий отпечаток,
 Когда-нибудь сотрётся и сойдёт,
 И слабость и душевный недостаток —
 Любить не сущность, а её налёт.

Сама же красота иного корня
 И вся насквозь божественна до дна,
 И к этой красоте, как к силе горней,
 В нас вечная любовь заронена.

Та красота сквозит в душевном строе
 И никогда не может стать стара.
 Навек блаженны любящие двое,
 Кто живы силами её добра.

Лишь между ними чувством всё согрето,
 И если есть на свете рай земной,
 Он во взаимной преданности этой,
 В бессмертной этой красоте двойной.

1842.

МЕРАНИ

Стрелой несётся конь мечты моей.
 Вдогонку ворон каркает угрюмо.
 Вперёд, мой конь, и ни о чём не думай!
 Вперёд! Все мысли по ветру развей.

Вперёд, вперёд, не ведая преград.
 Сквозь вихрь, и град, и снег, и непогоду.
 Ты должен сохранить мне дни и годы.
 Вперёд, вперёд, куда глаза глядят!

Пусть оторвусь я от семейных уз.
Мне всё равно. Где ночь в пути нагрянет,
Ночная даль моим ночлегом станет.
Я к звёздам в небе в подданство впишусь.

Я вверюсь скачке бешеной твоей
И исповедаюсь морскому шуму.
Вперёд, мой конь, и ни о чём не думай!
Вперёд! Все мысли по ветру развей!

Пусть я не буду дома погребён.
Пусть не рыдает обо мне супруга.
Могилу ворон выроет, а вьюга
Завоет, возвращаясь с похорон.

Крик беркутов заменит певчих хор,
Роса небесная меня оплачет.
Вперёд! Я слаб, но ничего не значит.
Вперёд, мой конь, вперёд во весь опор.

Я слаб, но я не раб судьбы своей.
Я с ней борюсь и замысел таю мой.
Вперёд, мой конь, и ни о чём не думай!
Вперёд! Все мысли по ветру развей!

Пусть я умру, порыв не пропадёт.
Ты протоптал свой след, мой конь крылатый,
И легче будет моему собрату
Пройти за мной когда-нибудь вперёд.

Стрелой несётся конь мечты моей.
Вдогонку ворон каркает угрюмо.
Вперёд, мой конь, и ни о чём не думай!
Вперёд! Все мысли по ветру развей!

1842.

26

НАДПИСЬ НА АЗАРПЕШЕ

КНЯЗЯ БАРАТАЕВА

Сладость нальёшь —
Радость найдёшь.
Пей на здоровье.

1842.

МОГИЛА ЦАРЯ ИРАКЛИЯ

Князю М. П. Баратаеву

Перед твоей могильною плитою,
Седой герой, склоняю я колени.
О если б мог ты нынешней порой
Взглянуть на Грузию, своё творенье!

Как оправдалось то, что ты предрёк
Пред смертью стране осиротелой!
Плоды тех мыслей созревают в срок.
Твои заветы превратились в дело.

Изгнанников теперешний возврат
Оказывает родине услугу.
Они назад с познанными спешат,
Льды севера расплавив сердцем юга

Под нашим небом эти семена
Дают тысячекратный плод с десятка.
Где меч царил в былые времена,
Видна рука гражданского порядка.

Каспийское и Чёрное моря —
Уже нам не угроза. Наши братья,
Былых врагов между собой мира,
Из-за границы к нам плывут в объятья.

Мир тени царственной святой твоей
И крепости былой твоей десницы,
И мир твоей, всем краем с давних дней
Слезами облицованной гробнице.

1842.

Кто навязал тебя мне, супостата?
Куда ты заведёшь меня, вожак?
Что сделал ты с моей душой, проклятый!
Что с верою моею сделал, враг?

Ты это ли мне обещал вначале,
Когда ты обольщал меня, смутьян?
Твой вольный мир блаженства без печали,
Твой рай, сулёный столько раз, — обман.

Где эти обещанья все? Поведай!
И как могли нежданно ослабеть
И уж не действуют твои беседы?
Где это всё? Где это всё? Ответь!

Будь проклят день, когда твоим обетам
Пожертвовал я сердца чистотой,
В чаду страстей, тобою подогретом,
И в вихре выдумки твоей пустой.

Уйди и скройся, искуситель лживый!
По милости твоей мне свет не мил
Ты в цвете лет растлил души порывы.
О, горе тем, кого ты соблазнил!

1843.

29

Вытру слёзы средь самого пыла,
И богине своей и врагу
Пламя сердца, как ладан кадила,
Не щадя своих сил, разожгу.

Светозарность её мне на горе.
В нём она неповинна сама.
Я премудрость ловлю в её взоре
И схожу от восторга с ума.

Как ей не поклоняться с любовью?
Красоте её имени нет.
Только ради её славословья
Я оставляю в поэзии след.

1843.

ЧИНАРА

На берегу могучая чинара
 Над кручею раскинулась шатром,
 Тенистое убежище от жара,
 Прият полураздумий-полудрём.

Шумит Кура, чинару в колыбели
 Качает ветер, шелестит листва.
 Едва ли это шум без цели:
 В нём слышатся какие-то слова.

Как любящий возлюбленную, яро
 Целует корни дерева Кура,
 Но горделиво высится чинара,
 Чуть-чуть качая головой шатра.

Повеет ветер, и одною дрожью
 Забьются и чинара и река.
 Как будто всё у них одно и то же,
 Одна и та же тайна и тоска.

1844.

Ты самое большое чудо божье.
 Так не губи меня красой своей.
 Я у родителей одна надежда,
 У нас в семье нет больше сыновей.

Я человек простой и немудрящий.
 Подруга — бурка мне, а брат — кинжал.
 Но будь со мною ты, — в дремучей чаще
 Мне б целый мир с тобой принадлежал.

1845.

ЕКАТЕРИНЕ, КОГДА ОНА ПЕЛА
ПОД АККОМПАНеМЕНТ
ФОРТЕПИАНО

Звуки рояля
Сопровождали
Наперерыв
Части вокальной
Плавный, печальный
Речитатив.

Ты мне всё время
Слышалась в теме.
Весь я был твой.
В смене гармоний,
В гулкой погоне
Их за тобой.

Мало-помалу
Ты распрямляла
Оба крыла,
И без остатка
Каждую складкой
В небо плыла.

Каждым изгибом
Выгнутых дыбом
Чёрных бровей,
Линией шеи,
Бездною всею
Муки моей.

Осенний ветер у меня в саду
 Сломал нежнейший из цветов на грядке,
 И я никак в сознание не приду,
 Тоска в душе и мысли в беспорядке.

Тоска не только в том, что он в грязи,
 А был мне чем-то непонятным дорог, —
 Шаг осени услышал я вблизи,
 Отцветшей жизни помертвелый шорох.

Когда мы рядом, в необъятной
 Веселенной, — рай ни дать ни взять.
 Люблю, люблю, как благодать,
 Лучистый взгляд твой беззакатный.
 Невероятно! Невероятно!
 Невероятно! Не описать!

Приходит время уезжать.
 Вернусь ли я ещё обратно?
 Увижу ли тебя опять?
 Люблю, люблю твой образ статный.
 Невероятно! Невероятно!
 Невероятно! Не описать!

С годами гуще тени, пятна
 И резче возраста печать.
 О, если б снова увидеть
 Твою божественную стать!
 Люблю твой облик благодатный.
 Невероятно! Невероятно!
 Невероятно! Не описать!

Цвет небесный, синий цвет,
Полюбил я с малых лет.
В детстве он мне означал
Синеву иных начал.

И теперь, когда достиг
Я вершины дней своих,
В жертву остальным цветам
Голубого не отдам.

Он прекрасен без прикрас.
Это цвет любимых глаз.
Это взгляд бездонный твой,
Напоённый синевою.

Это цвет моей мечты.
Это краска высоты
В этот голубой раствор
Погружён земной простор.

Это лёгкий переход
В неизвестность от забот
И от плачущих родных
Па похоронах моих.

Это синий, негустой
Иней над моей плитой.
Это сизый, зимний дым
Мглы над именем моим.

Ч А Ш А

Мастера посудного изделье,
Я звеню у Марты на столе
И разглаживаю средь веселья
У гостей морщины на челе.

СУДЬБА ГРУЗИИ
Историческая поэма

Посвящение кахетинцам

Кахетинцам, истинным грузинам,
Маленького Каха землякам,
Эта речь о времени старинном
И царе, навеки близком нам.

Образ гордости и славы нашей,
Как он видится мне самому,
Посвящаю вашему бесстрашью,
Жизнерадостности и уму
И когда у вас заходят чаши
И раздастся величаний гром
На торжественной пирушке вашей,
Помяните автора добром.

Часть первая

«Господи, спаси и дай победу.
Свой народ тебе я предаю.
Ты ведь знаешь сам, какие беды
Обступили Грузию твою.
Господи, враги неисчислимы,
Помоги нам, боже, в эти дни.
Пронеси свой гнев господень мимо,
Грузию спаси и сохрани».

Так молился в лагерной палатке
Царь Ираклий, рвением горя.
Были жарки накануне схватки
Слёзы сокрушённого царя.
На Крцаниси для отпора шаху
Стало войско твёрдою ногой.
Здесь придётся маленькому Каху
Силами помериться с Агой.

С юга показались персияне.
Небо в эти страшные часы
Изливало на поле сиянье
В блеске всей полуденной красы.
Царь сказал: «Гляди, моя дружина,
Как заносчив нечестивый враг.
Слушай, воинство моё! Грузины,
Судьбы Грузии у вас в руках.
Отдадим ей всё, что только можно.
Я надел, как вы, простой доспех.
Ныне выяснится непреложно,
Кто отчизну любит больше всех».
«Счастье, — отвечало войско хором, —
Что ты сам здоров и невредим.
Стыд робеть таким волкам матёрым
С бравым предводителем таким!
Только ты живи и долгоденствуй.
За тебя отрадно умереть:
Что нам враг, когда для нас блаженство
Знать тебя в живых и лицезреть».

Царь был рад ответу ополченья.
Тут его любили, как отца.
Трубы затрубили наступленье.
Встрепенулись ратников сердца.
Кто, заслышав эти переливы,
Но захочет броситься вперёд?!
В чьей душе, и самой боязливой,
Звук трубы отваги не зажжёт?

Разгорелся жаркий бой. Грузины
Ринулись на персов словно львы.
Кровь ручьями хлынула в низины
И в Куру чрез луговые рвы.
Обе стороны схватились близко.
Бьются и не замечают ран.
Тут весь цвет страны. Томаз Енисский,
Тут и Абашидзе Иоанн.
Не слабеет общая решимость.
Царь — живой прообраз храбреца.
Несмотря на их неустрашимость,
Бой в разгаре, не видать конца.
Шапки вмиг надвинули грузины,

Взяли шашки, свистнули клинки,
И врубились хваткою старинной
В построенье вражье смельчаки,
Ночь границу положила бою.
У грузин бесспорный перевес.
Царь Ираклий посмотрел вдоль строя.
Временный восторг его исчез.
Он уже не рад своей победе.
Юношам убитым нет числа.
Сколько неутешных слёз в наследье
Эта битва близким принесла!
Их могил уже мы не застанем,
Имена развеяны их в прах.
Памятника нет с напоминаньем
О святых и славных их делах.
Тишина скрывает эти тени.
Спите мирно, тени! Всё равно
Слух о вас лелеет провиденье.
Вам истлеть бесследно не дано.
Вечно, живо, цело и сохранно,
Что в веках оставило печать,
И покамест не забудут ханы,
В Грузии вас будут вспоминать.

Царь сказал начальникам: «Нас мало.
Надо под покровом темноты
Всем укрыться в крепость Нарикалу,
За ночь укрепив её форты.
Здесь у хана мы, как на ладони,
За стеной же, на крутой скале,
Он поверит, что при всём уроне
Мы ещё в значительном числе.
Поговорка есть для обихода:
«Силу хитрость может превозмочь»,
Согласились с этим воеводы
И ушли в Тбилиси в ту же ночь.

Утром были жители в уныньи.
Город весь окутывал туман.
К Нарикале, крепостной твердыне,
Подступил с утра Магомет хан.
Без успеха трое суток сряду
Била стены грозная орда,

Хан уж снял бы, может быть, осаду,
Если бы не новая беда.
Гарнизон не ждал её отсюда,
Но пришла измена в их среду,
И к стыду их, собственный Иуда
Предал их за небольшую мзду.
Царь хотел, открытием взбешённый,
Вылазкой отбросить персиян,
Чтоб поправить часть того урона,
Что нанёс предателя обман,
Но уже последствия измены
Обрекали дело на тщету.
Дождаясь сдавшихся, надменно
Хан стоял на крепостном мосту.
И, едва достигши частокола,
Он искал по всем углам того,
Кто отсрочивал его престолу
Долго, долго это торжество.
А того уж поминай как звали.
Царский конь был силен и ретив.
Царь Ираклий был на перевале,
Часть победы персам сократив.

Часть вторая

Шумную Арагву с двух сторон
Стиснули стеной лесистой горы.
Шум Арагвы удесятерён
Шумом их немолчного повтора.
Чудные Арагвы берега!
Яркие луга, деревьев шелест!
В Грузии кому не дорога
Ваша зеленеющая прелесть!
В этом месте едущий верхом,
Как бы ни спешил, с коня соскочит,
Горло освежит себе глотком,
Чуть подремлет, лоб водою смочит.
И хотя б потом он опоздал,
Он не опечалится у цели,
Что дорогой небольшой привал
Сделал средь цветущего ущелья.

Солнце заходящее горит
Средь раскинувшегося простора.
На открывшийся волшебный вид
Смотрит старый замок с косогора.
Вдаль вперив в рассеянности взгляд
И в руках перебирая чётки,
Наблюдал Иракий, как закат
Золотил оконные решётки.
Рядом был советник Соломон —
Человек прямой и даровитый.
Кто о нём не слышал! Испокон
Был он всем надеждой и защитой.

Долго, ничего не говоря,
Любовался царь игрой потока.
Вдруг, смешавши зёрна янтаря,
Он проговорил, вздохнув глубоко:
«Соломон, тебе наперечёт
Ведомы народные страданья,
Строй моей души и мыслей ход,
Нынешнего царства состоянье.
Долго я вначале был один
И ловил кругом косые взоры.
Я любви не встретил у грузин
И ни в ком не находил опоры.
И теперь, когда мечта моя
Окупает прежние усилья,
Что преподнесли мне сыновья
И кому при этом угодили?»

Хан отведал крови, как палач,
И угомонился только внешне.
У него от наших неудач
Положенье с каждым днём успешней.
Для лезгин настал желанный миг.
Только этого и ждут османы.
Грузию средь княжеских интриг
Раздерут на части басурманы.
Как я ни бодрись в свои лета,
Силы главные мои иссякли
Маленькому Каху — не чета
Твой седой теперешний Иракий.
Сам скажи: кому из сыновей

Мне в такие дни престол оставить?
Дальше будет только тяжелей.
Ну, так кто страну будет править?
Где же выход? Подскажи исход!
Вот решенья самые простые.
Русские — прославленный народ,
И великодушен царь России.
С ним давно уже у нас союз.
С ним меня сближает православье.
Кажется, я передать решусь
Власть над Грузией его державе».

Несколько мгновений Соломон
Собеседника глазами мерил.
Он был этим всем ошеломлён
И ещё своим ушам не верил.
Но затем воскликнул: «Господин!
Дай тебе создатель долголетия.
Берегись, чтоб только до грузин
Не дошли предположенья эти.
Что стряс ось такого до сих пор,
Чтоб отказываться от свободы?
Кто тебе сказал, что русский двор
Счастье даст грузинскому народу?
Что́ единство веры, если нрав
Так различен в навыках обоих?
Русским в подчинение попав,
Как мы будем жить в своих устоях?
Сколько пропадёт людей в тени
От разлада с чувствами своими?
Не спеши, Иракий, сохрани
По себе нетронутое имя.
Жизнь, пока ты жив, идёт на лад.
А умрёшь — тебе какое дело,
Как поправит рухнувший уклад
Будущий правитель неумелый?»

«Это мне известно самому, —
Отвечал Иракий, — в том нет спору,
И, однако, что я предприиму?
Где народу отыщу опору?
Я сужу ведь не как властелин,
Льющий кровь, чтоб дни свои прославить.

Я хочу, как добрый семьянин,
Дом с детьми устроенный оставить.
Для страны задача тяжела —
День за днём всегда вести сраженья.
Сам ты убедился, сколько зла
Принесло нам это поражение.
Хорошо ещё, что Мамед хан
Только главный город наш разграбил
И по деревням средь поселян
Меру зверства своего ослабил.

Требуется некий перелом.
Надо дать грузинам отдышаться.
Только у России под крылом
Можно будет с персами сквитаться.
Лишь под покровительством у ней
Кончатся гоненья и обиды
И за упокой родных теней
Будут совершаться панихиды».

Не стерпел советник. «Господин, —
Молвил он, — твой план ни с чем не сходен.
Презирает трудности грузин
До тех пор, покамест он свободен».
«Верно, Соломон. Но сам скажи:
Много ли поможет это свойство,
Если под угрозой рубежи
В эту пору общего расстройства?
Я готов молчать, но не забудь,
Я предсказываю, в дни лихие
Сам повторишь ты когда-нибудь:
Будущее Грузии в России».

Так советник со своим царём
С болью судьбы Грузии решали.
А под замком далеко кругом
Жили люди тою же печалью.
В это время поднялась луна.
Царь взглянул. Ночное небо в звёздах.
Даль реки луной озарена,
И ещё свежее горный воздух.
Защемило сердце у царя.
Вспомнил он те времена со стоном,

Когда, власти в царстве не беря,
Он владел лишь Кахетинским тронном,
Юный, беззаботный, в цвете сил,
Вызывая в людях обожанье,
Он всегда в те годы выходил
Победителем из испытаний.
Он сказал, от прошлого вполне
Будучи не в силах отрешиться:
«Соломон, пора спуститься мне
В нашу разорённую столицу.
Но пред этим я б хотел хоть раз
Побывать в Кахетии родимой,
Какова, узнать, она сейчас,
Чем живёт, какой нуждой томима?
Ей моя забота и любовь.
Ты ж, пожалуйста, не поленися,
Всё для въезда в город приготовь».
И советник выехал в Тбилиси.

Утром он на следующий день
Ехал через Ксанское ущелье.
Он свою семью под эту сень
Поселил в тревожные недели.
И естественно, что он с тропы
Завернуть решил к родным под своды.
Направляя к ним свои стопы,
Вот как думал верный сын народа:
«Слава, господи, путям твоим.
Одному ты вверил власть над краем.
Дурень и мудрец равны пред ним,
И его приказ непререкаем.
Как игровой костью, мы даём,
Царь, тебе играть своею долей,
Но не с тем, чтоб отдавать в заём
В третьи руки нашу жизнь и волю.
Пользуйся свободой для себя,
Возвышай нас и к величию двигай,
Но, правами злоупотребя,
Не передавай в чужое иго.
Может, случай с крепостью привёл
До того царя в ожесточенье,
Что виной предателя он зол
И на остальное население?»

Но Иракий знает, как любим
В Грузии он от низов до знати.
Почему ж он сделался другим
И переменял свои понятия?
Но как знать? Возможно, лишь ему
Видимо вполне, что краю надо,
И доступное его уму
Не открыто для простого взгляда?»

В этих мыслях к дому подскакал
Наш советник по двору и лугу,
И на галерее увидал
Софью, верную свою супругу.
Выбежав навстречу до угла
И обнявшись с мужем у ограды,
На его лице она прочла
След заботы с первого же взгляда
«Что с царём?» — она спросила, вдруг
Угадавши, чем советник болен.

«Кажется, грузинами, мой друг
Софья, наш Иракий недоволен.
Он молчит и хмурится. Хотя
Это спорно, я такого мненья:
Он нас всех намерен не шутя
Наказать за неповиновенье.
Кажется, он русскому царю
С Грузией отдастся под защиту.
То то будет время, посмотрю!
Вкруг грузинок франты волокиты!
В Петербурге чем не благодать?
В государе вы отца найдёте,
В государыне — вторую мать.
Жизнь начнётся в холе и почёте.
Роскошь, просвещённая среда,
Развлеченья, пышные палаты
Вас забыть заставят без труда
Лязг оружия, войны и утраты.
Рядом будут люди вам подстать.
И средь образованного барства
Кто опять захочет увидеть
Грузии истерзанное царство?»

«Пусть умру я раньше, чем пойду
Домогаться счастья на чужбину.
Изменив родимому гнезду,
Я вдали иссохну от кручины.
Можно ли к немилому жилью
Душу привязать отделкой редкой?
Голая свобода соловью
Всё ж милей, чем золотая клетка.
Стоят ли богатство и почёт,
Чтоб лишаться ради них свободы?!
Дома загрустится от забот —
Есть с кем обсудить свои невзгоды.
Разве так заманчивы места
У царя чужого и царицы?
И у нас есть царская чета.
Ею следовало бы гордиться».
Думал ли советник, что средь бед
Будет сердце женское так твёрдо?
Крепко обнял он жену в ответ,
Радуюсь её словам и гордый.
«Женщины былого, слава вам!
Отчего, святые героини,
Вас никто из петербургских дам
Больше не напоминает ныне?
Стынет в женщинах душевный пыл.
Без него теплей в столичной шубе.
Ветер севера оледенил
В жилах их следы отчизнолюбья.
Что им там до братьев, до сестёр?
Им бы только жизнью наслаждаться.
Грузия? Грузины? Что за вздор!
Разве важно, как им называться?»

Царь стоял и слёзы проливал
Над тбилисской страшною картиной.
Он нашёл обломки стен, развал,
Дым пожарищ, кругозор пустынный.
Он нигде не встретил ни души,
Лишь, как всхлипыванье, то и дело
Раздавался плеск Куры в тиши.
Лишь она от персов уцелела.

Вновь в Тбилиси двинулся народ,
Услыхав, что царь опять в столице.
Частью вновь отстроясь, в свой черёд
Город уж не мог восстановиться.
Мирно годы отдыха прошли.
Вновь Иракий ощутил желанье
Вынуть меч за горести земли
Персам и лезгинам в воздаянье.
Было в старости ему дано
На османов вновь обрушить силы,
Но ему уж было всё равно,
Ибо сердце царское давно
Твёрдо судьбы Грузии решило.

1839. Тбилиси.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Николай Бараташвили 3

СТИХОТВОРЕНИЯ. 1834—1845.

1. Соловей и роза	7
2. Кетевана	7
3. Сумерки на Мтацминде	9
4. Таинственный голос	10
5. Дяде Григорию	11
6. Ночь на Кабахи	11
7. Раздумия на берегу Куры	12
8. К чонгури	13
9. Моей звезде	14
10. Наполеон	14
11. Княжне Екатерине Чавчавадзе	15
12. Сergyа	16
13. Младенец	16
14. Одинокая душа	17
15. «Я помню, ты стояла...»	17
16. Моя молитва	18
17. «Когда ты, как жаркое солнце, взошла...»	18
18. Моим друзьям	19
19. «Что странного, что я пишу стихи?...»	20
20. «Я храм нашёл в песках. Средь тьмы...»	21
21. «Глаза с туманной поволокою...»	21
22. Гиацинт и странник	22
23. «Как змеи, локоны твои распались...»	23
24. «Мужское отрезвление — не измена...»	24

25. Мерани	24
26. Надпись на азарпеше князя Баратаева	25
27. Могила царя Ираклия	26
28. «Кто навязал тебя мне, супостата?..»	26
29. «Вытру слёзы среди самого пыла...»	27
30. Чинара	28
31. «Ты самое большое чудо божье...»	28
32. Екатерине, когда она пела под аккомпанемент фортепиано	28
33. «Осенний ветер у меня в саду...»	30
34. «Когда мы рядом...»	30
35. «Цвет небесный, синий цвет...»	31
36. Чаша	32
СУДЬБА ГРУЗИИ. Историческая поэма	33

Отв. редактор **А. СУРКОВ.**

Подписано к печати 13/V—46 г.

Заказ 531.

А 04443

Тираж 100.000.

Типография газеты «Правда» имени Сталина.

Москва, ул. «Правды», 24.

Цена 60 коп.